

Šaur, Josef

За царя и против него : Борис Н. Чичерин как сторонник правового государства и противник радикализма

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [125]-137

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130235>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Йозеф ШАУР
(Брно)

За царя и против него. Борис Н. Чичерин как сторонник правового государства и противник радикализма

With Tsar and Against Him. B. N. Chicherin as a Supporter of the Rule of Law and Opponent of Radicalism

The article aims at a depiction of social and political views of an important representative of Russian liberal thinking, B. N. Chicherin. Because of the limited space, Chicherin's views are illustrated on two significant examples. The first one is related to the start of his pedagogical activities at Moscow University in 1861. At that time, Chicherin opposed students' radicalism during student riots. He rejected all forms of breaking the law, even if the laws were wrong. The second example is related to the years 1866 and 1867, when, after an affair with the reappointment of Professor Leshkov to his post, Chicherin stood up against the government, which was breaking valid laws. Consequently, he left Moscow University and continued with the critique of the central tsarist autocracy and Russian socialists and radicals as well. He saw a danger for successful course of reforms in the activities of both antagonized groups. History later showed that he was right.

Key words: B. N. Chicherin; radicalism; tsar; Russia; 19th century; Moscow University

Если говорить о русских революциях и колебаниях русского политического и общественного мышления между демократией и тоталитаризмом, то небезынтересно будет остановиться на личности Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904) – известного историка, теоретика права и активного участника общественных и политических дебатов второй половины XIX века (особенно в 50–60-е годы). Уже на рубеже XIX–XX веков при первой попытке оценить деятельность Чичерина была отмечена проблема его места в русском общественном сознании, и здесь особо обращалось внимание на то, что Чичерин выступал одновременно против левых и правых крайностей, против революции и реакции.¹

Советская историография создала образ Чичерина как личности, настроенной против революции, личности реакционной и даже с монархическими взглядами, это был образ человека, поддерживающего своей деятельностью самодержавие.² Современные исследования о Чичерине, к которым принадлежат и работы автора данной статьи, указывают, однако, что реальная суть политических взглядов Чичерина была иной, нежели долгое время утверждалось.³ В связи с ограниченным объемом данной статьи своё мнение я проиллюстрирую только на двух примерах, а именно на взглядах Чичерина во время двух университетских кризисов в 60-е года XIX века. Первый кризис случился в 1861-м году во время студенческих волнений, второй – в 1866–1867

1 Петр Б. СТРУВЕ, Г. Чичерин и его обращение к прошлому. Речь идет о статье 1897 года, вышедшей в собрании статей Струве; Петр Б. СТРУВЕ, *На разные темы (1893–1901 гг.)*. Сборник статей, Санкт-Петербург 1902, с. 84–120. ОН ЖЕ, Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественной ответственности. Речь, произнесенная в Белграде и изданная в 1929-м году, последнее издание ср. ОН ЖЕ, *Патриотика: Политика, культура, религия, социализм*, Москва 1997, с. 451–459.

2 Особенно ср. Владимир Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ, *О государственной школе в русской историографии*, Вопросы истории, 1959, 5, с. 141–159.

3 Josef ŠAUR, *Z dějin moskevské samosprávy (Boris N. Čičerin)*, in: Michal PRZYBYLSKI – Josef ŠAUR (eds.), *Podoby a proměny města ve slovanských a vybraných neslovanských kulturách, literaturách a jazycích*, Brno 2013, с. 73–82.

годах во время аферы с переутверждением профессора Лешкова на должность в Московском университете.

Чичеринское отрицание радикализма и революции исходило из его философии истории и его понимания исторического процесса. В своих работах 50-х годов XIX века он предложил концепцию понимания истории как органического, внутренне единого процесса, проходящего через отдельные этапы по направлению к более совершенным формам. Как последовательный продолжатель гегелевской философии Чичерин понимал исторический процесс диалектически. Новый этап распространялся отрицанием старого, старые формы отмирали, чтобы уступить место новым, более совершенным. Историческое развитие, согласно Чичерину, подчинялось внутренним закономерностям. На основе этих закономерностей Чичерин понимал исторический прогресс как нечто неизбежное, не оставляющее выбора. Исторический процесс был провозглашением мирового Духа, который утверждался без оглядки на волю отдельных личностей и несправедливость по отношению к ним. Потому движение истории, по Чичерину, нельзя было ускорить. Во введении к работе «Очерки Англии и Франции» он интерпретирует революцию как кратковременный прогресс, который, однако, в конечном счете является шагом назад.⁴

11271

Весной 1861-го года Чичерин был провозглашен почетным профессором государственного права в Московском университете. Предложение занять эту должность он принял без колебаний. После отмены крепостного права Чичерин был уверен, что Россия вступает в новую эпоху, и хотел быть активным участником этого исторического поворота. Он хотел поддержать реформы с университетской кафедры. Он планировал познакомить студентов с правом, государственными системами и политической структурой европейских стран, чтобы они сами осознали, что дорога реформ – это дорога прогресса, ведущая Россию к лучшему.⁵ Тем не менее, Чичерин начинал свой профессорский

4 Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Очерки Англии и Франции*, Москва 1858, с. XVI–XVII.

5 Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу*, Москва 1932, с. 126–127.

путь в сложное время, когда русские университеты потрясали студенческие беспорядки.

В связи со смягчением цензурных правил и контроля над университетами после вступления на престол Александра II и в связи с ожиданием новой университетской реформы, призванной заменить университетский устав 1835-го года, возросло число студенческих движений, нарушающих нормальную работу университетов. Студенты организовывали собрания, где обсуждали политику и критиковали шаги правительства. Настаивали на том, чтобы в их собраниях участвовали деканы или ректоры, и чтобы они прямо перед студентами отчитывались в работе университетского управления. Организовывались также и нелегальные библиотеки с социалистической литературой. Студенты открыто выступали против преподавателей, чьи лекции их не устраивали. В начале 1861-го года правительственные органы сочли эту политизацию университетов неподконтрольной и решили принять жесткие меры. Важную роль здесь сыграло и новое назначение на пост министра народного просвещения военного адмирала Евфимия В. Путянина (1803–1883), который хотел усилить студенческую дисциплину. По его инициативе в конце весны 1861-го года возникли новые университетские правила, которые, кроме прочего, значительно ограничивали деятельность студенческих кружков, усиливали контроль за студенческой деятельностью и поведением, в том числе и в свободное от учебы время. Также была введена плата за обучение, что было сделано с целью исключить из университета несостоятельных студентов (они больше других поддавались демократическим и социалистическим настроениям). Новые правила, однако, были представлены студентам только в начале осеннего семестра 1861-го года. Студенты отказались им подчиняться, и в университетах начали возникать массовые беспорядки.⁶

Студенческие протесты начались в Петербургском университете, здесь волнения были самые значительные и распространились на про-

6 О волнениях ср. Регина Г. Эймонтова, *Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993, с. 46–69. Анатолий И. АВРУС, *История российских университетов. Курс лекций*, Саратов 1998, с. 46.

чие университеты. Часть преподавателей вузов была на стороне студентов. Наиболее активной была группа профессоров Петербургского университета, сложившаяся вокруг К. Д. Кавелина (1818–1885), (А. Н. Пыпин [1833–1904], М. М. Стасюлевич [1826–1911], В. Д. Спасович [1829–1906] и др.). Профессора, конечно, не поддерживали студенческие беспорядки, но винили в них правительство и настаивали на проведении университетской реформы, частью которой должно было бы стать и легальное студенческое самоуправление. Свою точку зрения они основывали на убеждении, что сами профессора, а также факт включения студентов в академическое управление будут лучшей защитой от революционных идей, нежели репрессивная политика.

В периодических изданиях студенческие протесты также были поддержаны А. И. Герценом (1812–1970) и Н. Г. Чернышевским (1828–1889), которые своими вопросами и критикой деятельности нового министра народного образования лишь усугубляли ситуацию. Для радикально-демократических авторов казалось неприемлемым введение платы за обучение, которая делала образование привилегией богатой элиты. Обострившаяся ситуация в Петербурге вынудила Путьянина в 1861-м году закрыть университет, на что студенты отреагировали массовыми протестами, которые переросли в октябре 1861-го года в столкновения студентов с полицией и последующие массовые аресты. Петербургский университет оставался закрытым вплоть до осени 1863-го года, то есть до момента вступления в действия нового университетского устава.⁷

Предложения петербургских профессоров относительно решения ситуации не были рассмотрены.⁸ Большую роль здесь сыграла группа профессоров из Московского университета, наиболее ярким представителем которой был как раз Чичерин. Он сходил в взглядах с Кавелиным в том, что университетская реформа необходима и что ответственность за обострение студенческих беспорядков несет правитель-

1291

7 Регина Г. ЭЙМОНТОВА, *Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993, с. 49–52 а 63–64.

8 Воспоминания Кавелина о событиях 1861 года Константин Д. КАВЕЛИН, *Собрание сочинений Константина Дмитриевича Кавелина. Т. 2*, Санкт-Петербург 1898, с. 1192–1206

ство. В отличие от Кавелина, однако, он не поддерживал широкой студенческой автономии, частью которой должно было стать и студенческое самоуправление. Чичерин призывал к улаживанию конфликта, к терпению с обеих сторон и, главное, к снижению своих требований. По его мнению, решения ситуации можно было бы достигнуть в спокойных условиях, возможных при соблюдении существующих законов и правил.⁹

Свою точку зрения по вопросу университетов Чичерин выразил в письме к брату Василию, работавшему в Министерстве иностранных дел, приближенному министра иностранных дел А. М. Горчакова (1798–1883). Брат давал читать письма министру, тот отправлял эти письма далее, и рассуждения Чичерина проходили через руки высших лиц руководства и даже самого царя. Наибольшее впечатление произвело письмо, в котором Чичерин написал, что «...в настоящее в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть».¹⁰ Именно тезис «либеральные меры и сильная власть» оказывается эссенцией политического кредо Чичерина в тот период. Кроме того, оно метко раскрывает всю проблематичность чичеринских политических размышлений – его старание объединить две противоположные тенденции. Чичерин не нашел единомышленников. Для оппозиции он был слишком консервативным, а для правительственной стороны – слишком свободомыслящим.

Стремление Чичерина ускорить нормализацию ситуации выросло также из опасений, что при её обострении правительственные круги могли бы принять необоснованное решение, которое негативно отразилось бы не только на виновниках ситуации, но и всем университетском пространстве.¹¹ Эти опасения исходили, кроме прочего, также из того, что это был 1861-й год, то есть год, когда постепенно по всей

9 Леонид М. ИСКРА, *Б. Н. Чичерин и университетский вопрос в начале 60-х годов XIX века*, в: *Российские университеты в XIX – начале XX века. Сборник научных статей*. Выпуск 6, Воронеж 2002, с. 39–40.

10 Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет*, Москва 1929, с. 24. Контекст высказывания и то, как Чичерин объяснял его в последующей переписке см. там же с. 24–30.

11 Там же, с. 25.

России провозглашалась крестьянская реформа – отмена крепостного права. Государственные органы опасались реакции крестьян и с особой чувствительностью воспринимали любые волнения. Чичерин пытался убедить государственную администрацию в том, что радикалы представляют собой лишь малую часть студенчества, и что студенческое движение переоценено. Большую роль в радикализации молодежи, по мнению Чичерина, сыграла публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и радикальных демократов.¹² Опасения Чичерина не были преувеличены, к тому же благодаря брату он был хорошо информирован о настроениях в правительственных кругах.

В октябре 1861-го года Чичерин вместе с С. М. Соловьевым (1820–1879), С. В. Ешевским (1829–1865) и О. М. Бодянским (1808–1872) был выбран университетским советом в члены комиссии, занимающейся составлением ответственного доклада для министра народного просвещения, причем написание текста было доверено именно Чичерину. Главной целью этого документа было не допустить, чтобы судьба Петербургского университета постигла и Московский университет. Профессора настаивали на том, что Москва не была центром волнений, и работа университета не была существенно нарушена. В то же время, они отмечали, что новые правила себя не оправдали и должны были бы быть отменены сразу, как только это позволит политическая ситуация. Доклад имел успех, Московский университет при обновлении порядков значительно не пострадал, а правительство приступило к обновлению подготовки нового университетского устава.¹³

В тот же период, то есть в октябре 1861-го года, когда Чичерин в частных письмах, передаваемых братом влиятельным государственным деятелям, старался успокаивать высшее руководство, он остро выступил против студентов в своей вступительной лекции в Московском университете.¹⁴ В контексте того времени почти никто не обра-

12 Там же, с. 16.

13 См. Gary M. HAMBURG, *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*, Stanford 1992, с. 221–225.

14 Текст речи Чичерин издал через год в книге *Несколько современных вопросов*. Новое издание ср. Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Философия права*, Санкт-Петербург 1998, с. 372–383.

щал внимание на его определение предметов науки о государстве и перечень европейских мыслителей, чьи политические и общественные мысли он хотел представить студентам во время учебы. Сильнее резонировали его критические высказывания относительно текущей ситуации. Любые протесты Чичерин назвал идущими против духа времени. Ссылаясь на отмену крепостного права, Чичерин говорил о том, что в России прошла самая крупная реформа в истории государства, и подчеркивал, что готовятся новые. Россия, по мнению Чичерина, находилась не в стагнации, как утверждали некоторые, но быстро шагала вперед. Он призывал студентов готовиться к получению будущей профессии спокойно и старательно занимаясь делом, а не читая газеты – что было очевидным выпадом в сторону Герцена и Чернышевского.¹⁵ Наиболее сильное впечатление произвел его пассаж о законах:

«Повиновение закону – вот первое требование правды, первый знак гражданственности, первое условие свободы. Свобода анархическая – преддверие деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна может установить прочный порядок. Не думайте притом, чтобы повиновение закону ограничалось одними хорошими законами. Если б всякий стал исполнять только те законы, которые он считает хорошими, то было бы полное господство анархии. Во всех станах мира есть законы и хорошие, и дурные; но обязанность повиновения распространяется на все».¹⁶

Вступительная лекция Чичерина однозначно была направлена против распространенного среди молодежи нигилизма, который, кстати, критиковала и современная литература (например, Тургенев в романе «Отцы и дети»).

Лекция была расценена современниками как переход Чичерина от либерализма к консерватизму. Г. Гамбург назвал лекцию Чичерина вершиной его консервативных взглядов.¹⁷ Печать того времени строго

15 Там же, с. 372–373 а 375.

16 Там же, с. 379.

17 Gary M. HAMBURG, *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*, Stanford 1992, с. 227–228.

отказалась от идей Чичерина.¹⁸ Не избежал он и острых замечаний в свой адрес, в которых был назван новым Фаддеем Булгариным (1789–1859) – писателем, сотрудничавшим с царской тайной полицией. Текст этой лекции министр иностранных дел Горчаков предложил императору, который отозвался одобрительно.¹⁹ Хотя в письмах Чичерина, ходивших в государственных кругах, ясно говорилось о необходимости «либеральных мер и сильной власти», официальные лица более обращали внимание на другую часть цитаты: то, что Чичерин выступал против нарушения общественного порядка, вовсе не означало, что он поддерживал деятельность государственных органов. Тем не менее государственные представители видели в Чичерине образцового единомышленника, и потому стремились призвать его к более тесному сотрудничеству, чем оказали ему медвежью услугу.

Пулятин предложил Чичерину место в Петербургском университете, где многие профессора подали в отставку. Он даже лично отправился в Москву, чтобы уговорить Чичерина. Потом он отдал приказ цензорам допускаться к печати тексты, критикующие речь Чичерина. А кроме того, министр внутренних дел Петр А. Валуев (1815–1890) предложил Чичерину стать сотрудником прогосударственного издания «Северная пчела». Вступительная лекция Чичерина вопреки желанию автора обратилась против него самого: создала ему репутацию проплаченного царем публициста. В нескольких письмах Чичерин вежливо отказался от предложений обоих министров и защиты с помощью цензуры, отмечая, что он не простой чиновник, исполняющий приказание сверху, а свободный мыслитель, который способен сам ответить критикам.²⁰

1331

18 Леонид М. ИСКРА, *Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме*, Воронеж 1999, с. 34.

19 Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина*. Московский университет, Москва 1929, с. 44.

20 Там же, с. 47–52. Также ср. Сергей С. СЕКИРИНСКИЙ, *Борис Николаевич Чичерин*, в: Борис С. ИТЕНБЕРГ – Валентин В. ШЕЛОХАЕВ (ред.), *Русские либералы*, Москва 2001, с. 99. Gary M. HAMBURG, *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*, Stanford 1992, с. 228–233. Раиса А. КИРПЕВА,

Однако был ли в действительности Чичерин независимым интеллектуалом? В полной мере – не был. В течение 1862–1865 годов Чичерин сделал несколько шагов, которые эту независимость ставят под сомнение. Подготовка реформ и их реализация повторно утверждали Чичерина во мнении, что открытое оппозиционирование принесет больше вреда, чем пользы, и потому воспринимал сотрудничество с государственными органами не как предательство либеральных идеалов, но только как их реализацию. Благодаря своим контактам с официальными лицами он добился получения значительного финансирования для журнала Н. Ф. Павлова «Наше время», в котором и сам много публиковался. А такого рода финансовая поддержка была бы невозможна без «правильного» политического тона журнала. Подобным образом можно интерпретировать и чичеринские проправительственные настроения во время польского восстания в 1863-м году.²¹ Наиболее очевидным сотрудничество Чичерина с официальной властью было, когда он в 1862-м году принял приглашение преподавать государственное право наследнику трона Николаю Александровичу (1843–1865), который вскоре скоропостижно скончался.

Отношение Чичерина к верховной власти значительным образом изменила афера в Московском университете, произошедшая в 1866 и 1867 годах, которая и стала причиной его перехода на сторону интеллектуальной оппозиции. Речь шла о принципиальном вопросе соблюдения норм закона.²²

Государственная школа. Историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, Москва 2004, с. 368–372.

21 Gary M. HAMBURG, *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*, Stanford 1992, с. 259–266.

22 К событиям ср. Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. II, Московский университет*, Москва 1929, с. 163–250. Леонид М. ИСКРА, *Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме*, Воронеж 1999, с. 41–46. Gary M. HAMBURG, *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*, Stanford 1992, с. 313–330. Регина Г. ЭЙМОНТОВА, *Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993.

Согласно университетскому уставу 1863-го года принципиальную роль в жизни университетов играл Университетский совет как высший орган и представитель автономии этих институций. Совет, кроме прочего, утверждал продолжение сотрудничества с профессорами на отдельных кафедрах. В приведенном постановлении закона об университетах был не забыт и вопрос о необходимости смены поколений преподавателей в вузах столиц. Профессор, преподававший 25 лет, мог (но не должен был) быть переутвержден на должность Университетским советом. В начале 1866-го года это коснулось и профессора полицейского права Василия Н. Лешкова (1810–1881). Голосование о переутверждении его на должности профессора сопровождалось спорами об интерпретации закона, а именно: достаточно ли простого большинства (т. е. половины) или необходимо квалифицированное большинство (т. е. две трети). Поскольку не удалось прийти к единому мнению, Совет обратился к министру народного просвещения, чтобы тот принял решение об интерпретации закона. В то же время ректор университета Сергей И. Баршев (1898–1882) высказал министру свою позицию, в которой склонялся к тому, чтобы оставить Лешкова в должности.

1351

Министр народного просвещения Александр В. Головин (1821–1886) превысил свои полномочия и вместо того, чтобы выдать рекомендацию по верной интерпретации закона, прямо утвердил Лешкова на должность профессора. Против этого выступил профессор Федор М. Дмитриев (1829–1894), который указал на незаконность действий министра и предложил университету подать жалобу в Сенат. Профессорское собрание разделилось на 2 группы: первые, большая часть, включая ректора Баршева, не хотела далее продолжать это дело и отвергла предложение Дмитриева. Меньшая часть, которую вскоре возглавил Чичерин, не только заняла позицию против министра народного образования, но и обвинила ректора в превышении полномочий.

Конфликт довершили споры внутри юридического факультета о том, как должно проходить обучение и каково должно быть его идейное направление. Все главные участники спора преподавали на этом факультете (Баршев, Лешков, Чичерин, Дмитриев). Поддержка

Лешкова Баршевым исходила из потребности удержать на факультете человека, близкого ему по консервативным взглядам. Чичерин, напротив, понимал весь спор как беспрецедентное нарушение университетского устава 1863-го года и нападение на автономию университета. После перестановок на посту министра народного образования – после Головина пост занял Дмитрий А. Толстой (1823–1889) – и после отклонения всех жалоб московских профессоров под предводительством Чичерина часть преподавателей демонстративно подала в отставку. К ним принадлежали Чичерин, Соловьев, экономист Иван К. Бабст (1824–1881), специалист по международному праву Михаил Н. Капустин (1828–1899) и природовед Сергей А. Рачинский (1833–1902).

Царь, приехавший в Москву на свадьбу нового наследника трона, хотя и был убежден в виновности профессоров, но поскольку некоторые из них ранее преподавали преждевременно скончавшемуся наследнику, проявил снисходительность и призвал их забрать свои заявления об отставке. Это Чичерина глубоко возмутило, потому что он ожидал, что царь будет уважать законный порядок. Тем не менее, просьбу царя нельзя было не удовлетворить.²³

Ещё через полгода Чичерин снова подает прошение об отставке и в конце 1867 года окончательно оставляет университет. В этом он был не одинок: кроме него университет покинули Капустин, Рачинский и Дмитриев. По иронии судьбы, речь шла о профессорах, которые осенью 1861-го года во время студенческих волнений стояли на стороне государственного аппарата и заслужили похвалу за своё поведение. Чичерин метко заметил, что едва только выступили с протестом, «попались впросак и на своих боках почувствовали всю прелесть той власти, которую они защищали».²⁴

Значение конфликта подтверждает тот факт, что он разыгрывался не только в стенах университета, но и сопровождался горячей дискуссией на страницах московских и петербургских изданий. В течение

23 Борис Н. ЧИЧЕРИН, *Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет*, Москва 1929, с. 224–225.

24 Регина Г. ЭЙМОНТОВА, *Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX века*, Москва 1993, с. 231.

первых трех месяцев 1868-го года вышло около двух десятков статей на данную тему. Кроме заинтересованных лиц, к дискуссии присоединились Михаил Н. Катков (1817–1887), Михаил П. Погодин (1800–1875) и др., полемика коснулась и «Колокола» Герцена.²⁵

Как видно из описанных выше двух событий, основой взглядов Чичерина была вера в правовой порядок и правовое государство. Изучение европейских правовых традиций вело его к убеждению, что только то общество будет успешным, в котором будут соблюдаться действующие законы и нормы. Чичерин как специалист по русскому государственному праву очень хорошо понимал, что состояние русского законодательства далеко от совершенства. Несмотря на это, Чичерин призывал как представителей общественного движения, так и представителей государства предельно уважать существующий закон. Для большинства русского общества, однако, ещё свежи были в памяти воспоминания о правительстве Николая I, потому чичеринский призыв казался им поддержкой самодержавия и подчинением деспотии. Чичерин верил в потенциал реформ русского самодержавия, был уверен, что проводимые реформы постепенно преобразят и всё русское государство как *социальный институт*. Однако здесь скорее желаемое выдавалось за действительное.

11371

